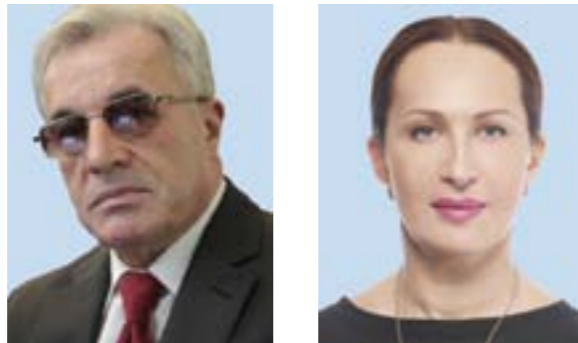

Научная статья
УДК 340
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-66-75>

Публично-правовая ответственность: оценка современных взглядов в контексте утверждающегося в конституционной практике инновационного подхода

Червонюк Владимир Иванович¹, Леоненкова Елена Андреевна²

¹Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия

²Нижегородский областной суд, Нижний Новгород, Россия

¹v.chervonyuk@yandex.ru

²superbegemot@rambler.ru

Аннотация. Постулирование современного государства правовым одновременно означает возможность гражданина предъявлять публично-правовые притязания к власти в целом и ее властным институтам. Применительно к современной России проблема юридически корректного (ответственного) поведения государства, всей системы публичных властей во взаимоотношениях с гражданами является принципиально новой. Длительное время господствовавшая идеология иммунитета государства, иных властных публично-правовых структур от ответственности оказывается весьма «живучей» и применительно к новым государственно-правовым реалиям. Соответственно, проблема ответственности государства, публичных властей за нарушение основных прав и свобод человека и гражданина в специальной литературе рассматривается преимущественно в контексте позитивной юридической (политической) ответственности, вне связи с охранительно-принудительным инструментарием. Очевидно, что преодоление укоренившихся в теории и на практике взглядов предопределяет формирование в государственно-правовой системе отлаженного механизма юридической ответственности публичных властей как важнейшей гарантии конституционно-правовой охраны (и защиты) основных прав и свобод, противодействия коррупционному поведению должностных лиц, публичного права, формирования в обществе среди самых широких слоев населения, доверия к властным институтам. Исследование проблемы публично-правовой ответственности в указанном смысле действительно выступает одной из приоритетных задач современной правовой науки, является своего рода ее ответом на вызовы развивающейся конституционной практики современной России.

Ключевые слова: догматизация публично-правовой ответственности, позитивная ответственность как квазиидея, инновационный подход к пониманию конституционной ответственности, публично-правовая ответственность как «дочерняя» форма, вид конституционной ответственности, специальные составы конституционных деликтов, ответственность без вины в публично-правовой сфере, повышенная юридическая ответственность специального субъекта, публично-правовое злоупотребление, механизмы юридической ответственности публичных властей

Для цитирования: Червонюк В. И., Леоненкова Е. А. Публично-правовая ответственность: оценка современных взглядов в контексте утверждающегося в конституционной практике инновационного подхода // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 4 (68). С. 66–75. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-66-75>.

Original article

© Червонюк В. И., Леоненкова Е. А., 2024

Public legal responsibility: assessment of modern views in the context of the innovative approach established in constitutional practice

Vladimir I. Chervonyuk¹, Leontenkova Elena Andreevna²

¹Of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Moscow, Russian Federation;

²Nizhny Novgorod Regional Court, Nizhny Novgorod, Russian Federation

¹v.chervonyuk@yandex.ru

²superbegemot@rambler.ru

Abstract. The postulation of the modern state as legal at the same time means the ability of a citizen to make public legal claims to the government as a whole and its power institutions. In relation to modern Russia, the problem of legally correct (responsible) behavior of the state and the entire system of public authorities in relations with citizens is fundamentally new. For a long time, the prevailing ideology of immunity of the state and other powerful public legal structures from responsibility turns out to be very «tenacious» in relation to new state-legal realities. Accordingly, the problem of responsibility of the state and public authorities for the violation of fundamental human and civil rights and freedoms in the specialized literature is considered mainly in the context of positive legal (political) responsibility outside of protective and coercive tools. It is obvious that overcoming views rooted in theory and practice predetermines the formation of a well-established mechanism of legal responsibility of public authorities in the state legal system as the most important guarantee of constitutional and legal protection (and protection) of fundamental rights and freedoms, countering corrupt behavior of public law officials, and the formation of trust in government institutions in society among the broadest segments of the population. The study of the problem of public liability in this sense is indeed one of the priorities of modern legal science, is a kind of its response to the challenges of the developing constitutional practice of modern Russia.

Keywords: institute of recall of deputies of the Soviets of People's Deputies, dogmatization of public-legal responsibility, positive responsibility as a quasi-idea, innovative approach to understanding constitutional responsibility, method of legal regulation in constitutional law, special constitutions of constitutional torts, responsibility without guilt in the public-legal sphere, increased legal responsibility of a special subject, public-legal abuse, mechanisms of legal responsibility of public authorities, public legal responsibility as a «subsidiary» form, a type of constitutional responsibility.

For citation: Chervonyuk V. I., Leontenkova E. A. Public legal responsibility: assessment of modern views in the context of the innovative approach established in constitutional practice. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 4 (68), pp. 66–75. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-66-75>.

Публично-правовая ответственность есть «дочерняя» форма, вид конституционной ответственности, обособляющийся от «материнской» главным образом своим субъектным составом — это ответственность публичных властей (органов публичной власти и публичных должностных лиц) перед гражданами, с которыми они (публичные власти) пребывают в постоянной и неразрывной, не ограниченной временными и пространственными параметрами конституционно-правовой связи (отношении) и обремененные поэтому соответствующими конституционными обязательствами, исполнение которых гарантируется в том числе угрозой наступления для них негативных правовых последствий, то есть применения публично-правовой ответственности [1].

Отношение к пониманию концепта ответственности публичных властей не остается неизменным в теоретической (равно и практической) юриспруденции; перманентно

наблюдаемые смены эпистем на разных этапах государственно-правового развития неизбежно привносят новые коннотации в осмысление данного феномена. В юриспруденции на начальном этапе развития Советского государства ответственности публичных властей как составляющей государственного управления отодвигалась незначительная роль. Этим можно объяснить отсутствие научного интереса к проблеме (впрочем власть всякого государства, включая современное государство, старается избавиться от принятых обязательств и, соответственно, ответственности за их неисполнение). Лишь в 1970-е годы были предприняты попытки теоретически обосновать существование юридической ответственности в государственном праве подобно тому, как она существовала в отраслях уголовного, гражданского, административного права. Считается, что появление конституционной ответственности как предмета научной дискуссии и как самостоятельного

вида ответственности следует относить именно к данному периоду развития государственной мысли.

Одной из первых публикаций в этом направлении была статья Ю. П. Еременко и Ф. М. Рудинского «Проблемы ответственности в советском государственном праве», притом, что некоторые элементы конституционной ответственности нашли отражение в законодательстве (в частности, институт отзыва депутатов Советов народных депутатов) [2]. В последующем к проблеме конституционной ответственности обращается ряд авторов, таких как Г. В. Барабашев, Н. А. Боброва, Т. Д. Зражевская, Ю. П. Еременко, А. И. Лепешкин, М. И. Пископин и др. В этот же период времени справедливости ради надо отметить с позиции теории государства и права активно велись разработки проблем законности (С. С. Алексеевым, Н. Г. Александровым, Н. В. Витруком, Н. Н. Вопленко, А. Ф. Граниным, Д. А. Керимовым, Н. И. Козюбра, В. Н. Кудрявцевым, Е. А. Лукашевой, Н. С. Малениным, П. Е. Недбайло, С. В. Полеиной, П. М. Рабиновичем, И. С. Самощенко, М. С. Строгович, А. Я. Сухаревым, В. В. Борисовым, В. И. Ремневым и др.), так или иначе ориентированной, в том числе относительно рассматриваемой проблемы.

В новейшей литературе идея ответственности публичных властей органично вплетена в контекст проблемы конституционной ответственности, исследование которой представлено в работах преимущественно представителей науки конституционного права (Н. М. Колосовой, Д. Т. Шон, В. А. Виноградовой, А. В. Зиновьева, М. В. Баглай, М. А. Краснова, О. Е. Кутафина, В. О. Лучина, С. А. Авакьяна, А. А. Кондрашева, Е. И. Колюшина, Г. А. Гаджиева, А. И. Иванченко, В. В. Игнатенко, Г. А. Василевича, М. П. Авдеенковой и многих др.). При этом позиции самых разных авторов в данном вопросе в основном совпадают: конституционно-правовая ответственность квалифицируется в качестве еще одного вида юридической ответственности, присущего охранительным отраслям права [3]. Между тем конституционная ответственность принципиально отлична от иных видов юридической ответственности. Ее особенность — в нормативной структуре конституционного права, наличии в нем значительного удельного веса общих (исходных) установлений (не сводимых только к принципам права). Состав конституционного деликта по своему формально-юридическому содержанию не совпадает с набором признаков, присущих

всякому правонарушению: «усеченный состав», принципиально иные субъекты (такowymi прежде всего выступают носители властных полномочий — публичные власти и публичные должностные лица), своеобразие субъективной стороны конституционной ответственности (действие презумпции вины); объективной стороной конституционного деликта следует считать обусловленное диспозициями конституционных норм неправоное поведение субъекта такой ответственности (то есть не правонарушение). Сущностная особенность «непохожести» рассматриваемого вида ответственности — наличие в составе конституционного права комплекса охранительно-принудительных средств (санкций) не специфичных для иных из отраслей национального права. Если для отраслей публичного права главным образом свойственна штрафная или карательная функция, то конституционная ответственность преследует главным образом осуществление правосоставительной функции

В рассматриваемый период теоретическая литература обогащается анализом политической и управленческой ответственности (И. Н. Барцица, М. А. Краснова, Л. А. Морозовой, В. Н. Савина, А. М. Черныш и др.). Обращает на себя внимание попытка связать ответственность публичных властей с конструкцией сильного, современного государства [4]. Небезынтересно, что к осмыслению конструкции сильного государства в новейшее время обращается знаменитый американский философ, социолог и футуролог Ф. Фукуяма, автор бестселлера «Конец истории и последний человек» сравнительно недавно опубликовавший интересную работу, в которой постулирует принципиально иной, в сравнении с господствующим в политической и правовой науке подход к пониманию концепта «сильное государство». При всей значимости труда Ф. Фукуямы, собственно проблема ответственности публичных властей автором не рассматривается в качестве составляющей сильного государства.

В представлении В. Е. Чиркина ответственность органично связана с природой современного государства, выступая гарантией его (государства) должного поведения [5].

В то же время анализ публично-правовой ответственности в рассматриваемый период нельзя признать удовлетворительным. Примечательно, что даже в тех случаях, когда авторы обращаются к сопредельным проблемам, в частности, к проблеме законности, проблема публично-правовой ответственности

не попадает в фокус внимания исследователя [6]. Не обращаясь к анализу собственно природы публично-правовой ответственности, в отдельных работах представлен анализ ее разновидностей — ответственности законодательных, исполнительных и судебных органов государственной власти, а также ответственности муниципальных органов власти [7].

При оценке специальных работ, посвященных рассматриваемой проблеме, обращает на себя внимание то обстоятельство, что вследствие догматизации важнейшего механизма устойчивости конституционного строя представления о публично-правовой ответственности показаны настолько отдаленно от существующих реалий, что собственно об ответственности напоминают, может быть, только названия параграфов и глав данных работ. Как-то не принимается в расчет собственно назначение данного вида ответственности — гарантировать незыблемость конституционных прав и свобод, противодействовать их умалению, отмене или нарушениям в иных формах. Кроме того, обнаружение и обоснование оптимальных для современной реальности инструментов противодействия коррупции, поразившей структуры власти, точно также находятся в зоне действия феномена публично-правовой ответственности. Между тем, как показывает анализ в представленных по данной проблеме работах, движение мысли наблюдается по специальной, заданной не существом проблемы, а, видимо, самими авторами траектории научного поиска: проблема ответственности публичных властей и должностных лиц публичного права [8] неизменно рассматривается в контексте позитивной юридической ответственности. Тем самым авторы уводят и себя, и читателя от анализа сложнейшего конструкта современной (не виртуальной, умоглядной (какой она нередко предстает в воображении обратившихся к ее осмыслению авторов) правовой жизни страны [9]. Примечательно, что один из исследователей проблемы — в одном ряду «противников и сторонников идеи позитивной юридической ответственности», чьи «содержательные аргументы «широко представлены» в работах В. М. Баранова, А. В. Малько, Д. А. Липинского и др. Притом, что отдельные из перечисленных авторов, в частности, проф. В. М. Баранов, в данном вопросе занимает прямо противоположную позицию по отношению к позиции остальных. В лучшем случае анализ сводится к моральным аспектам проблемы (нравственному долгу публичных властей и их представителей) или,

чаще всего — к теоретизированию с заранее ожидаемым эффектом.

Оставляя вне анализа множество работ, выполненных в таком жанре [10], обратим внимание на коллективную монографию «Юридическая ответственность в правовой системе России...», в которой анализируемой проблеме посвящена глава 9 («Юридическая ответственность органов публичной власти в системе юридической ответственности») [11]. Кажется, что уже само название работы изначально настраивает читателя на встречу с отвлеченным анализом сложнейшей проблемы российской действительности. Вполне возможно, что иную задачу авторы перед собой и не ставили, если иметь в виду общее название работы. Хотя ее уточняющее «второе» название, предполагающее «анализ взаимосвязей, взаимодействий и противоречий» поставленной проблемы в монографии могло бы соответствовать по меньшей мере определенным ожиданиям. Как и во многих других изданиях, хотя и в иной стилистике, авторы упомянутых работ предпочитают вести речь о позитивной ответственности публичных властей. Справедливости ради надо сказать, что один из авторов монографии в оценках позитивной юридической ответственности все же старается оставаться на «почве права». Задолго до анализируемой работы им сделан вывод о том, что позитивная ответственность «как, и негативная, может выражаться в наступлении определенных неблагоприятных для субъекта последствий, «социальных неудобств», в лишении известных благ», при отсутствии факта правонарушения и при отсутствии вины». Однако применительно к ответственности публичных властей ранее сделанные выводы требуют иной оценки [12].

Примечательно, что в значительной по объему текста главе о конституционной ответственности [11] читатель не встретится с анализом представленного в доктрине принципиально иного подхода к пониманию конституционной ответственности, который, как это можно судить на основе компетентной литературы, все более утверждается в теории конституционного права; осталась не понятой авторами цитируемой работы и оценка так называемого «усеченного» состава конституционного деликта. Вследствие приверженности традиционным взглядам на проблему как вид юридической ответственности конституционная ответственность и та ветвь права, которую она идентифицирует, оказались несовместимыми; имеющая закономерный характер связь особенной природы предметных

областей и нормативной структуры конституционного права [13] и конституционно-правовой ответственности в анализируемой работе оставлена без внимания.

Мультипликация отмеченного подхода находит продолжение и в иных изданиях авторов, что в особенности специфично для работ Д. А. Липинского, в которых неизменно сохраняется аргументация отстаиваемого подхода. Симптоматично, что данный подход охотно и весьма интенсивно осваивается многочисленными сторонниками позитивной ответственности [14]. Так, придерживаясь «парадигмы» своих предшественников, один из последователей данного подхода убеждает на страницах своей работы читателя в том, что «представляется также возможным говорить о позитивной конституционной ответственности в смысле проведения действий в духе соблюдения основных конституционных правовых норм и принципов» [15]. Несколько перефразируя классика русской драматургии А. Н. Островского, уместно было бы заметить: говорить-то можно, была бы в том польза практического свойства, что совершенно не наблюдается из продолжающейся полемики.

В некоторых работах при оценке отраслевых видов юридической ответственности исследователи, исходя из традиционно устоявшихся в отечественной литературе взглядов относительно понимания и классификации методов правового регулирования (основанном на этом отраслевом делении права), по-прежнему не включают в предмет анализа как конституционно-правовую, так и публично-правовую ответственность [16]. Такой подход основывается на устаревшем понимании нормативной структуры методов регулирования конституционного права, оценки его связи с другими ветвями права [17]. Понятно, что «традиционно отечественное» понимание природы конституционного (государственного) права» (в качестве «еще одной отрасли права») [18], его места в правовой системе страны (расположенного в одном ряду с отраслевыми подразделениями права) [19], можно сказать, заблокировало доступ к анализу титульных особенностей конституционно-правовой (а вместе с этим и публично-правовой) ответственности. Так, экстраполируя выводы общей теории права относительно особенностей метода правового регулирования применительно к конституционному праву, авторы специального исследования формулируют собственный взгляд относительно понимания особенностей метода правового регулирования конституционного права. Отмечается, что

такой метод непосредственно применяется при регулировании правоотношений, характеризуя отдельные виды общественных отношений, составляющих предмет отрасли конституционного права; определяет особенности применения общеотраслевых императивного и диспозитивного методов к конкретному правоотношению, определяет диалектику их взаимодействия; обеспечивает реализацию отраслевых норм с учетом специфики отрасли; «обладает специфическими для данной отрасли приемами и способами регулирования общественных отношений» (что это за специфические приемы и способы, кроме уже известных (универсальных) авторы не указывают; определяет необходимость и степень применения государственного принуждения к субъектам общественных отношений» (притом что совершенно не учитывается своеобразие вида ответственности в сфере действия конституционного права); функционирует в особых правовых условиях, обуславливающих порядок и направления его работы». Но такое понимание метода правового регулирования в конституционном праве не отвечает его особенной природе (не являющейся еще одной отраслью права) и, понятно, не позволяет уяснить действительную природу присущего ему (конституционному праву) вида юридической ответственности — конституционно-правовой ответственности [20].

Далеко не во всех работах концепт публично-правовой ответственности подменяется иным понятием; мультиплицируется мысль о том, что ответственность публичных властей — это синтез всех видов юридической ответственности. В частности, в одном из диссертационных исследований отмечается, что «базовой формой юридической ответственности для публичной власти является конституционно-правовая ответственность», «в рамках конституционно-правовой ответственности реализуются и конкретизируются положения других видов юридической ответственности в данной сфере (уголовной, административной, дисциплинарной, гражданско-правовой)» [21]. Ответ на ожидаемый в этой связи вопрос: «Как это может произойти в реальной конституционной практике?» Конечно же, оставлен без внимания. Вследствие этого конституционно-правовая ответственность в принципе исключается из потенциала охранительно-принудительного действия конституционного права. Словом, признание «синтезированного» характера публично-правовой ответственности означает, что она не приобретает самостоятельного значения.

Несомненно, представляют интерес публикации исследователей по тем аспектам рассматриваемой проблемы, которые связаны с правовыми основаниями применения данного вида ответственности [22]. Из работ, непосредственно посвященных рассматриваемой проблеме, обратим внимание на публикацию Г. А. Трофимовой, предлагающей дополнительно к существующим мерам конституционно-правового воздействия ввести санкции за специальные составы конституционных деликтов, субъектами которых признаются исключительно лица и органы, наделенные властными полномочиями [23].

В этой же связи следует особо выделить, несомненно, полезную работу монографического характера проф. Н. А. Бобровой [24]. К предложенному в упомянутой публикации перечню публично-правовых деликтов Н. А. Боброва предлагает дополнительно и иные. Это: 1) деликт в виде бездеятельности органа власти по изменению или отмене акта, признанного судом полностью или частично не соответствующим более высоким по юридической силе актам; 2) деликт неподписания Президентом Российской Федерации в установленный Конституцией Российской Федерации срок принятого парламентом закона; 3) деликт принятия Президентом Российской Федерации указов в сфере и по вопросам компетенции законодательной власти (прежде всего по вопросам, требующим изменений в бюджете Российской Федерации); 4) деликт принятия субъектами власти, не обладающими законодательной компетенцией, нормативных актов по вопросам, относящимся к сфере компетенции законодательной власти. По мнению автора, речь идет о так называемом ведомственном, инструкционном нормотворчестве, которое зачастую противоречит законодательству и даже Конституции); 5) «деликт Конституционного Суда Российской Федерации, который пересматривает принятую им же позицию и принимает постановление, противоположное предыдущему»; 6) деликт непринятия парламентом закона по изменению закона, признанного Конституционным Судом Российской Федерации полностью или в части, не соответствующим Конституции Российской Федерации, в срок, установленный в резолютивной части соответствующего постановления Конституционного Суда Российской Федерации; 7) деликт награждения лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации, государственными наградами по принципу *do ut des* (в буквальном переводе с лат. — даю, чтобы ты дал) в период осуществления должностным

лицом полномочий, за злоупотреблением которыми он был осужден или осужден за иные преступления, совершенные за период нахождения в данной должности; 8) деликт манипуляций со сроками legislatur выборных органов власти в сторону как уменьшения, так и увеличения сроков их полномочий; 9) деликт невнесения законодательных инициатив или невынесения их на референдум депутатами и соответствующими фракциями, если такие инициативы были обещаны в период избирательной кампании, в публичных (официальных) выступлениях и агитационных материалах партий; 10) деликт голосования конституционного судьи и заключения судьи-докладчика Конституционного Суда Российской Федерации в противоположность позиции, изложенной им же в его научных публикациях по данному вопросу [24].

В контексте исследуемой проблемы, думается, должно представлять интерес предпринимаемое в последние годы обращение к осмыслению концепта повышенной юридической ответственности специального субъекта.

В монографии А. В. Одиноквой повышенной юридической ответственности специального субъекта (к таковому автор обоснованно относит и представителей властных структур) предложено понимать как установленную законодательством исключительную обязанность лица, обладающего рядом обусловленных правовым положением дополнительных признаков, претерпевать неблагоприятные последствия за совершение им правонарушения в связи с возложенным статусом [25]. Следует заметить, что применительно к рассматриваемому виду публично-правовой ответственности как особой разновидности конституционно-правовой ответственности правонарушение не является специфическим признаком квалификации его субъекта, поскольку во многих случаях конституционно-правовой деликт есть неправомерное, но не правонарушающее поведение [26].

К признакам отмеченного вида ответственности отнесены такие, как наличие специального статуса субъекта; усиленный (повышенный) характер обязанности претерпевать негативные последствия, что прямо предопределено статусом данного лица; «сверхнегативная» реакция государства относительно совершения данным лицом противоправного поведения и т. д. При этом специальный субъект интерпретируется как представитель особого круга лиц, выделенный по специфическому признаку, который является носителем ужесточенных и расширенных требований, заранее выраженных

и сформулированных в законодательстве. Симптоматично, что повышенная юридическая ответственность специального субъекта «может рассматриваться и существовать только в рамках негативного (ретроспективного) подхода [25]. Рассматриваемый вид юридической ответственности указанный автор распространяет в том числе на властных субъектов права; однако сделанный им в работе вывод относительно того, что «единственным фактическим основанием юридической ответственности является само совершение правонарушения» [25], что существенно сужает сферу применения повышенной юридической ответственности специального субъекта. В этой же связи ошибочно утверждение о том, что конституционно-правовая ответственность применяется за правонарушения, что ее субъекты привлекаются к уголовной ответственности, что отсутствие вины — специальная особенность исключительно гражданско-правовых деликтов и т. д. [25] Равным образом следует считать ошибочным вывод о том, что «основанием возникновения конституционно-правовой ответственности может выступать применение других мер юридического воздействия например, уголовной или же административной юридической ответственности в отношении таких специальных субъектов, как судьи судов любых звеньев судебной системы» [25]. Верное замечание автора о том, что «повышенная юридическая ответственность специального субъекта отличается тем, что в большинстве случаев наступает независимо от вины», ограничивается преимущественно гражданско-правовой ответственностью [25]. Правда, ссылаясь на другие работы [26], автор приводит один случай безвиновного привлечения применительно к так называемым избирательным деликтам, что не специфично для данного вида ответственности.

В контексте заявленной темы представляет интерес исследование сопредельной проблемы «публично-правового злоупотребления» или «злоупотребления властью», интерпретируемой скрытым механизмом проведения частных интересов в публичных решениях всех уровней, системным образом наносящих тяжелейший вред обществу; это «действия властных субъектов по реализации своих дискреционных полномочий в пределах буквальных предписаний права, но с нарушением внутренних пределов, усмотрения в виде публичного интереса, совершаемые из корыстных мотивов, в состоянии конфликта интересов и наносящие вред обществу» [27].

Обращая внимание на актуальность поисков достижения общественного согласия, реализации конституционных принципов равенства и социальной справедливости проф. В. Д. Зорькин в этой связи отмечает: «по-прежнему актуальной и весьма болезненной для общества остается проблема коррупции, которая уже приобрела опасный для жизни людей характер. Несмотря на осознание и властью, и обществом масштабов и значения данной проблемы, в этой области использованы далеко не все имеющиеся резервы. В частности, считаю необходимым еще раз обратить внимание на то обстоятельство, что статья 20 («Незаконное обогащение») Конвенции ООН против коррупции до сих пор не стала частью российской правовой системы под предлогом того, что она не вписывается в действующее российское законодательство. А между тем в Конституции Российской Федерации нет ничего, что препятствовало бы имплементации положений этой статьи. Напомню, что коррупция в переводе с латыни — это порча, разрушение, разложение. В данном случае речь идет о разложении институтов власти, что чревато разрушением той системы общественных отношений, на которую данная власть распространяется. Поэтому борьба с коррупцией — это жизненно важный для нашего общества вопрос, без решения которого невозможно достичь искомого общественного согласия, равенства и социальной справедливости» [28].

Если связывать деятельность электоральных органов страны с действенностью реализуемых гражданами избирательных прав, общими интересами, формированием в этой связи высокоэффективного и дееспособного общенационального представительного органа страны — парламента, то применительно к электоральным органам, организующим и обеспечивающим проведение выборов, видимо, необходимо вести речь и об их специальной ответственности за качество выборов и качество сформированной в результате общенациональных выборов законодательной власти. По своему характеру такая ответственность может быть исключительно конституционно-правовой (публично-правовой). Очевидно, что правовым основанием расформирования организующих выборы избирательных комиссий должна признаваться и неспособность электорального органа обеспечить проведение конкурентных и легитимных выборов.

В заключение обратим внимание на следующее. Квалификация современного государства правовым одновременно означает возможность

гражданина предъявлять публично-правовые притязания к власти в целом и ее властным институтам. Механизм превенции от неправомерных действий публичных властей обеспечивается в том числе охранительно-принудительными средствами. Современная доктрина идентифицирует публично-правовую ответственность одной из титульных (статусных) характеристик современного государства [29]; это ответственность публичных властей (органов публичной власти и публичных должностных лиц) перед гражданами, с которыми они (публичные власти) пребывают в постоянной и неразрывной, не ограниченной временными и пространственными параметрами конституционно-правовой связи (отношении) обремененные в силу этого конституционно определенными обязательствами, исполнение которых гарантируется в том числе угрозой наступления для них негативных правовых последствий, то есть применения мер публично-правовой ответственности. Для Российской Федерации проблема юридически корректного (ответственного) поведения государства, всей системы публичных властей во взаимоотношениях с гражданами является принципиально новой. Прежде господствовавшая идеология иммунитета государства, иных властных публично-правовых структур от ответственности оказывается весьма «живучей» и применительно к новым государственно-правовым реалиям. С этой точки зрения проблема ответственности государства и его агентов за нарушение основных прав и свобод человека и гражданина рассматривается преимущественно в контексте политической или позитивной юридической ответственности вне связи с охранительно-принудительным инструментарием. Для преодоления этих негативных явлений важным представляется формирование в государственно-правовой системе отлаженного механизма юридической ответственности публичных властей, являющейся формой обеспечения и защиты конституционных прав и свобод и важной составляющей эффективной и социально ориентированной государственной политики.

В современных условиях внедрение механизмов юридической ответственности публичных властей перед гражданами является важной предпосылкой формирования в обществе среди самых широких слоев населения доверия к публичным властям [30]. Как отмечается в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации от 16 декабря 1997 года № 20-П, от 19 июня 2002 года № 11-П, от 23 апреля

2004 года, № 9-П от 15 февраля 2016 года, № 3-П от 25 апреля 2019 года, № 19-П от 27 марта 2018 года, № 13-П от 14 января 2020 года и т. д., легитимность правопорядка и публичной власти во многом основывается на доверии общества; поскольку степень доверия граждан в конечном счете определяет их уверенность в незыблемости верховенства права и правовой демократии, постольку поддержание этого доверия нуждается в эффективных правовых механизмах. Постулируется, что отказ государства в конкретных правоотношениях от выполнения своих публично-правовых обязательств, возникших из ранее установленного регулирования и состоявшихся правоприменительных актов, подрывает доверие к закону и государству, поскольку в нарушение конституционного принципа равенства не обеспечивает равные условия реализации гражданами приобретенного ими права [31].

В рассматриваемом контексте исследование проблемы публично-правовой ответственности публичных властей и должностных лиц публичного права действительно выступает одной из приоритетных задач современной правовой науки; это своего рода ее ответ на вызовы развивающейся конституционной практики современной России.

Список источников

1. Червонюк В. И. Теория, философия и методология права: монография. Москва: Юстицинформ, 2021. С. 767–789.
2. Авдеев М. П. Конституционно-правовая ответственность в России: проблемы становления и реализации: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2003. С. 17.
3. Червонюк В. И. Теория конституционного права: сравнительно-правовой и страноведческий анализ: монография. Москва: Юстицинформ, 2022. С. 108–121.
4. Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке: [пер. с англ.]. Москва: АСТ. ХРАНИТЕЛЬ, 2006.
5. Чиркин В. Е. Современное государство. Москва: Международные отношения, 2001. С. 278.
6. Зиновьева М. Ю. Специально-юридические гарантии законности в условиях формирования правового государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999.
7. Юридическая ответственность: философский, социологический, психологический, и междотраслевой аспекты: монография / под общ. ред. д-ра. юрид. наук, проф. Р. Л. Хачатурова. Москва: Юрлитинформ, 2017.
8. Червонюк В. И. Институт отзыва публичных должностных лиц местного самоуправления // Вестник экономической безопасности. 2017. № 2. С. 18–188.

9. Кокурина О. Ю. Дискуссионные проблемы градного права: «позитивная ответственность» и «позитивные санкции» как юридические понятия // Административное право и процесс. 2020. № 6. С. 32–44.

10. Кушхова Б. З. Юридическая ответственность публичной власти в современной России: общетеоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2009.

11. Юридическая ответственность в правовой системе России: нормативные и правореализационные проблемы взаимосвязей, взаимодействий и противоречий: монография / Д. А. Липинский, А. В. Малько, А. А. Мусаткина и др.; / под ред. А. В. Малько, Д. А. Липинского, А. А. Мусаткиной. Москва: РИОР, 2020. С. 312–344.

12. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права. Москва: Юристъ, 2001. С. 451–452.

13. Червонюк В. И. Предмет (предметные области) и нормативная структура конституционного права в современном правовом дискурсе // Государство и право. 2020. № 2. С. 50–58.

14. Черногор Н. Н. Юридическая ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления (теоретико-правовые проблемы). Москва: ИД «Юриспруденция», 2006.

15. Карлов М. Ю. Парламентская ответственность: этические и правовые начала: монография. Казань: Бук, 2022. С. 30.

16. Межотраслевая дифференциация уголовной и иных видов юридической ответственности: итоги теоретического моделирования: монография / под ред. д-ра юрид. наук. проф. Н. А. Лопашенко. Москва: Юрлитинформ, 2021. С. 10 и сл.

17. Червонюк В. И. Имплементация конституционно-правовых понятий в отраслевое (действующее) законодательство (позитивное право) как форма его конституционализации // Государственная служба и кадры. 2014. № 4. С. 13–18.

18. Червонюк В. И. Предмет (предметные области) и нормативная структура конституционного права в современном правовом дискурсе // Государство и право. 2020. № 2. С. 50–58.

19. Червонюк В. И. Структура права: закономерности формирования и развития (в 9 вып.). Выпуск третий. Структурные уровни, ряды права. Правовые общности // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 3. С. 11–16.

20. Методы правового регулирования: монография / под общ. ред. д-ра. юрид. наук, проф. Р. Л. Хачатурова. Москва: Юрлитинформ, 2018. С. 106–107.

21. Кушхова Б. З. Юридическая ответственность публичной власти в современной России: общетеоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2009. С. 5.

22. Долгих Ф. И. Правовые аспекты создания, государственной регистрации и ликвидации политических партий в России. Москва, 2016.

23. Трофимова Г. А. Конституционно-правовая ответственность публично-правовых субъектов: деликты общего характера // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 6. С. 3–11.

24. Боброва Н. А. Общетеоретический и межотраслевой аспекты юридической ответственности: монография. Москва: Юрлитинформ, 2019. С. 140 — 244, 245 и сл.

25. Одинокова А. В. Повышенная юридической ответственность специального субъекта: монография. Москва: Юрлитинформ, 2021. С. 16–17.

26. Червонюк В. И. Современная концепция конституционной ответственности // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 11. С. 8–13;

27. Виноградов В. А. Защита избирательных прав граждан (конституционно-правовая ответственность): системное исследование. Москва, 2003. С. 158.

28. Тюрин С. Е. Понятие публично-правового злоупотребления (злоупотребления властью) // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 9. С. 8–11.

29. Зорькин В. Д. Десять лекций о праве: монография. Москва: Норма, 2021. С. 178.

30. Червонюк В. И. Организация публичной власти: монография. Москва: Юстицинформ, 2023. С. 949–962.

31. Зорькин В. Д. Право против хаоса: монография. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма, 2023. С. 386–387.

References

1. Chervonyuk V. I. Theory, Philosophy and Methodology of Law: monograph. Moscow: Yustitsinform Publ., 2021. Pp. 767–789. (In Russ.)

2. Avdeenkova M. P. Constitutional and Legal Responsibility in Russia: Problems of Formation and Implementation. Dissertation... doctor of legal sciences. 2003. P. 17. (In Russ.)

3. Chervonyuk V. I. Theory of Constitutional Law: Comparative Legal and Regional Analysis: Monograph. Moscow: Yustitsinform Publ., 2022. Pp. 108–121. (In Russ.)

4. Fukuyama F. A Strong State: Governance and World Order in the 21st Century: [translated from English] / Francis Fukuyama. Moscow: АСТ. KHANITEL, 2006. (In Russ.)

5. Chirkin V. E. The Modern State. Moscow: International Relations, 2001. P. 278. (In Russ.)

6. Zinovieva M. Yu. Special legal guarantees of legality in the context of the formation of a legal state. Author's abstract... candidate of legal sciences. Saratov, 1999. (In Russ.)

7. Legal liability: philosophical, sociological, psychological, and intersectoral aspects: monograph / ed. by dr. of law, prof. R. L. Khachaturov. Moscow: Yurilitinform, 2017. (In Russ.)

8. Chervonyuk V. I. Institute for the recall of public officials of local government. *Bulletin of Economic Security*, 2017, no. 2, pp. 18–188. (In Russ.)

9. Kokurina O. Yu. Controversial issues of award law: “positive liability” and “positive sanctions” as legal concepts. *Administrative law and process*, 2020, no. 6, pp. 32–44. (In Russ.)

10. Kushkhova B. Z. Legal liability of public authorities in modern Russia: general theoretical aspect. Author's abstract... candidate of legal sciences. Moscow, 2009. (In Russ.)

11. Legal liability in the legal system of Russia: normative and law-enforcement problems of interrelations, interactions and contradictions: monograph / D. A. Lipinsky, A. V. Malko, A. A. Musatkina [and other]; / ed. by A. V. Malko, D. A. Lipinsky, A. A. Musatkina. Moscow: RIOR, 2020. pp. 312–344. (In Russ.)

12. Matuzov N. I., Malko A. V. Theory of state and law. Moscow: Yurist, Publ., 2001. Pp. 451–452. (In Russ.)

13. Chervonyuk V. I. Subject (subject areas) and normative structure of constitutional law in modern legal discourse. *State and Law*, 2020, no. 2, pp. 50–58. (In Russ.)

14. Chernogor N. N. Legal liability of local government bodies and officials (theoretical and legal problems). Moscow: ID “Jurisprudence”, 2006. (In Russ.)

15. Karlov M. Yu. Parliamentary responsibility: ethical and legal principles: monograph. Kazan: Buk, 2022. P. 30. (In Russ.)

16. Inter-sectoral differentiation of criminal and other types of legal liability: results of theoretical modeling: monograph / ed. by doctor of law, prof. N. A. Lopashenko. Moscow: Yurilitinform Publ., 2021. (In Russ.)

17. Chervonyuk V. I. Implementation of constitutional and legal concepts in sectoral (current) legislation (positive law) as a form of its constitutionalization. *Public service and personnel*, 2014, no. 4, pp. 13–18. (In Russ.)

18. Chervonyuk V. I. Subject (subject areas) and normative structure of constitutional law in modern legal discourse. *State and Law*, 2020, no. 2, pp. 50–58. (In Russ.)

19. Chervonyuk V. I. Structure of law: patterns of formation and development (in 9 issues). Third issue.

Информация об авторах

В. И. Червонюк — доктор юридических наук, профессор Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя;

Е. А. Леонтьева — кандидат юридических наук, судья Нижегородского областного суда.

Information about the authors

V. I. Chervonyuk — Doctor of Sciences (Law), Professor Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot;

E. A. Leontenkova — Candidate of Sciences (Law), Judge of the Nizhny Novgorod Regional Court.